

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Пятидесятилѣтніе піесы Островскаго. Ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ—14 января 1853 года московскіе театралы увидали на афишѣ своего Большаго театра незнакомое имъ имя драматурга. Назначенъ былъ бенефисъ одной изъ любимѣйшихъ артистовъ Л. П. Никулиной-Косицкой, шли двѣ новыя одноактные піески и вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось первое представленіе комедіи *Не въ свои сани не садись*, принадлежащей какому-то совершенно неизвѣстному дотошъ писателю А. Островскому.

Многочисленные почитатели артистки, собиравшя на представленіе, думали, конечно, лишь объ успѣхѣ своей любимицы и ужъ никакъ не могли предположить, что настоящимъ героемъ ея бенефиса явится не она сама, а этотъ юный, впервые дебютирующий, драматургъ.

Даже близкіе друзья А. Н. Островскаго, которымъ удалось познакомиться съ піесой раньше (напримѣръ, Погодинъ), и тѣ не были еще увѣрены въ успѣхѣ новой комедіи и находили въ ней различныя недостатки. Что же долженъ былъ испытывать 14 января 1853 года самъ молодой начинающій авторъ?

Шестью годами раньше—14 февраля 1847 года,—онъ, будучи еще чиновникомъ перваго отдѣленія канцеляріи Московскаго Коммерческаго Суда, читалъ случайно на вечерѣ у профессора русской словесности С. П. Шевырева, въ присутствіи А. С. Хомякова и другихъ писателей, свои первыя драматическія сцены. По окончаніи чтенія, * хозяинъ и Хомяковъ съ восторгомъ обняли юнаго автора и привѣтствовали его, какъ человека, одареннаго громаднымъ талантомъ. Съ этого дня, пишетъ Островскій въ своей краткой автобіографической замѣткѣ, я сталъ считать себя русскимъ писателемъ и уже безъ сомнѣнія повѣрилъ въ свое призваніе.

Небольшое драматическое произведеніе — *Картина семейнаго счастья* ** и четырехъ-актная комедія *Свои люди сочтемся* *** были первыми произведеніями юнаго писателя, повѣрившаго въ свое призваніе. Обѣ піесы тотчасъ же обратили на себя вниманіе въ московскихъ литературныхъ кружкахъ и вызвали хвалебные отзывы столичной періодической печати. Особенно, конечно, всѣхъ приводила въ восторгъ вторая, которая считается теперь по праву однимъ изъ лучшихъ достояній отечественнаго театра и которая при своемъ появленіи очень понравилась геніальному автору *Ревизора* (Гоголю, по воспоминаніямъ Берга, читали комедію *Свои люди сочтемся* не задолго до его смерти, около 1850 года. †)

На первый взглядъ, должно было бы казаться, что все улыбалось юному драматургу. Онъ сдѣлалъ близкимъ сотрудникомъ журнала *Москвитянинъ*, сталъ „своимъ человекомъ“ среди извѣстныхъ московскихъ писа-

телей, его, наконецъ, замѣтилъ самъ Гоголь „и, въ гробъ сходя, благословилъ“ на дальнѣйшую литературную работу. Но эта свѣтлая безмятежная пора скоро миновала, и на смѣну ей наступили для Островскаго продолжительныя тягостныя дни. Начались они съ того, что комедія *Свои люди сочтемся* не была разрѣшена театальной цензурой къ представленію; затѣмъ автора ея, по распоряженію начальства, внесли въ списокъ „лицъ неблагонадежныхъ“. Последнее же обстоятельство побудило Островскаго подать прошеніе объ увольненіи его отъ коронной службы. Прошеніе это было принято, и 10 января 1851 г. драматургъ навсегда распрощался со своею чиновничьею карьерой.

Отставка предоставила Островскому полную возможность всецѣло отдаться его любимому призванію—драматическому творчеству, но, съ другой стороны, она же значительно ухудшила его матеріальное положеніе. Писателю пришлось вести въ *Москвитянинѣ* корректуру, прочитывать и исправлять помѣщаемыя въ журналѣ статьи, за что чрезвычайно разсчитливый редакторъ-издатель М. П. Погодинъ платилъ болѣе чѣмъ скромно. И эту сухую, скудно-вознагражденную работу Островскій долженъ былъ исполнять въ то время, когда прекрасная комедія, могшая кореннымъ образомъ измѣнить его общественное положеніе и прославить его имя по всей Россіи, лежала подъ спудомъ въ театральномъ архивѣ, когда ему страстно хотѣлось писать, и писать не для однихъ только читателей, но и для зрителей. Въ 1852 году, побуждаемый этою страстью, онъ сталъ знакомиться съ московскими артистами и даже передѣлалъ на русскій языкъ піесу Г. Ф. Квитки-Основьяненко *Щира любовь, неба милій дорожке счастья*, которая подъ заглавіемъ *Искренняя любовь, или милій дорожке счастья* была тогда же съ успѣхомъ сыграна на сценѣ Малаго театра. Видя крупный успѣхъ своей передѣлки, Островскій началъ, конечно, еще болѣе желать увидѣть на театрѣ собственное оригинальное произведеніе. И вотъ, окончивъ переводъ піесы Квитки, онъ тотчасъ же принялся за новую трехъактную комедію изъ купеческаго быта. Уже въ концѣ 1852 года драматургъ, не упоминая еще заглавія піесы, сообщилъ въ письмѣ къ Погодину:

„Богъ мнѣ помогъ написать хорошую комедію; но я вамъ ее прочту только тогда, когда совершенно отдаю.“

Въ октябрѣ піеса *Не въ свои сани не садись* (это была она) приняла, по видимому, свой окончательный видъ, такъ какъ въ *Дневникѣ* М. П. Погодина, подъ 6 октября 1852 г., замечено:

„Прослушалъ комедію Островскаго. Хорошіе портреты, но все нѣтъ сгесендо драматическаго.“

Прошелъ еще мѣсяцъ, и драматургъ написалъ Погодину, что его піеса отправлена въ театральную цензуру. Изъ дальнѣйшихъ писемъ Островскаго мы узнаемъ объ различныхъ интригахъ, направленныхъ противъ его комедіи, о донесеніи графа Закревскаго въ Петербургъ, вслѣдствіе чего піесу потребовали на пересмотръ къ Геденонову и т. п. Словомъ, для драматурга наступила опять пора новыхъ опасеній и новыхъ смутныхъ надеждъ. По его просьбѣ, Погодинъ написалъ С. А. Геденонову (сыну тогдашняго директора театровъ) письмо, въ которомъ умолялъ поскорѣе дать знать о результатѣ просмотра. Отвѣтъ получился для Островскаго самый благоприятный. Геденоновъ-сынъ сообщилъ, что запрещенія на піесу *Не въ свои сани не садись* не будетъ и что она можетъ быть представлена на сценѣ.

Это „разрѣшеніе“ сначала, конечно, сильно обрадовало уже отчаявшагося драматурга. Но вслѣдъ за полученіемъ его возникали новыя тревоги и сомнѣнія: какъ приметъ комедію публика? Созданіе Островскаго по своему характеру и типамъ настолько отличалось отъ тогдашнихъ репертуарныхъ піесъ, что его могъ постигнуть или огромный успѣхъ, или полный провалъ.

14 января 1853 года на стѣнахъ Большаго театра появилась, наконецъ, афиша, возвѣщавшая первое представленіе комедіи *Не въ свои сани не садись*. Вотъ какъ были распределены роли на этомъ замѣчательномъ спектаклѣ:

Русаконъ..... П. М. Садовскій

шіе тѣмъ же естественнымъ языкомъ, какъ имъ они говорятъ въ обыденной жизни, и зрители, которымъ эта простота и естественность стала нравиться гораздо болѣе, чѣмъ красивыя, но холодныя рѣчи героевъ французскихъ мелодрамъ.

Словомъ, для русскаго сценическаго искусства наступила новая, свѣтлая пора... 19 февраля того же 1853 года комедія *Не въ свои сани не садись* появилась впервые въ Петербургѣ. Тамъ она встрѣтила точно такой же пріемъ, какъ мѣсяцемъ раньше въ Москвѣ. Нашлись и тамъ чуткіе даровитые артисты, понявшіе огромное значеніе піесы Островскаго и олицетворявшіе ея героевъ съ поразительною реальностью: Русаконъ игралъ Григорьевъ 2-й, Дуню—Читау, Бородинна—Бурлака, Маломальскаго — Мартыновъ, Вихоревъ—Марковецкій, Баранчевскаго—Каратыгинъ 2-й, Арину Фадотовну—Орлова, Маломальскую—Громова.

Въ мартѣ 1853 г. комедія Островскаго была напечатана въ журналѣ *Москвитянинъ* и тогдашніе критики начали ее разбирать уже не какъ сценическое, а какъ литературное произведеніе. Талантливая комедія съ успѣхомъ выдержала и этотъ разборъ. Почти никогда не сходявшіеся во взглядахъ славянофилы и западники дали о ней одинаково сочувственные отзывы и называли ее „замѣчательнѣйшею піесой своего времени“.

Д. Я.—Ш.

* См. Альбомъ М. И. Семевскаго *Мои знакомые*, Спб. 1888 г., стр. 165.

** Сначала была напечатана въ журналѣ *Московский Городской Листокъ* 1847 г. №№ 60—61, а потомъ, въ передѣланномъ видѣ, подъ заглавіемъ *Семейное Счастье*, появилась въ *Современникѣ* (1856 г., кн. 4).

*** Одна сцена изъ этой комедіи, называвшейся раньше *Банкротъ*, помѣщена въ *Московскомъ Городскомъ Листкѣ*. Полностью же піеса напечатана въ *Москвитянинѣ* (1850 г., кн. 6).

† См. *Русская Старина*, 1872 г., кн. 1, стр. 121.

рѣе дать знать о результатѣ просмотра. Отвѣтъ получился для Островскаго самый благопріятный. Геденовъ-сынъ сообщилъ, что запрещенія на піесу *Не въ свои сани не садись* не будетъ и что она можетъ быть представлена на сценѣ.

Это „разрѣшеніе“ сначала, конечно, сильно обрадовало уже отчаявшагося драматурга. Но вслѣдъ за полученіемъ его возникали новыя тревоги и сомнѣнія: какъ приметъ комедію публика? Созданіе Островскаго по своему характеру и типамъ настолько отличалось отъ тогдашнихъ репертуарныхъ піесъ, что его могъ постигнуть или огромный успѣхъ, или полный провалъ.

14 января 1853 года на стѣнахъ Большаго театра появилась, наконецъ, афиша, возвѣщавшая первое представленіе комедіи *Не въ свои сани не садись*. Вотъ какъ были распределены роли на этомъ замѣчательномъ спектаклѣ:

Русаковъ.....	П. М. Садовскій.
Авдотья Максимовна...	Л. П. Никулина-Косицкая.
Анна Федотовна ..	С. П. Акимова.
Маломальскій.....	П. Г. Степановъ.
Его жена.....	А. Т. Сабурова.
Бородкинъ.....	С. В. Васильевъ.
Вихоревъ	С. В. Шумскій.
Баранчевскій.....	К. П. Колосовъ.
Стелакъ	г. Кремневъ.
Половой въ гостиницѣ.	г. Матвѣевъ.

Можно себѣ представить, какую тягостную смѣсь страха и надежды испытывалъ А. Н. Островскій, читая и перечитывая эту афишу. Къ счастью, ему не пришлось вынести на спектаклѣ того, что вынесъ Гоголь на первомъ представленіи своего *Ревизора*. По словамъ Т. И. Филиппова, присутствовавшаго на исполненіи комедіи Островскаго, день 14 января 1853 года останется памятнымъ въ исторіи московскаго театра, такъ какъ онъ достойно вознаградилъ писателя за трудъ, а артистовъ покрылъ новою славой: автора вызывали многократно и одушевленно; исполнителей же, великолѣпно справившихся со своею задачей, не вызывали порознь, но постоянно и единодушно кричали: *встѣхъ! встѣхъ!*

Эта рецензія Т. И. Филиппова, помѣщенная въ *Москвитянина* (1853 г., стр. 130—136), представляетъ большой интересъ. Она показываетъ, что и публика, и артисты уже ясно сознавали ту фальшь и то подражаніе западнымъ образцамъ, которыя сплошь и рядомъ попадались въ тогдашнихъ піесахъ. Недоставало лишь талантливаго человѣка, который могъ бы совершить желанный „переворотъ“. И стоило появиться на сценѣ комедіи Островскаго, какъ одновременно съ нею появились и артисты, заговорив-